

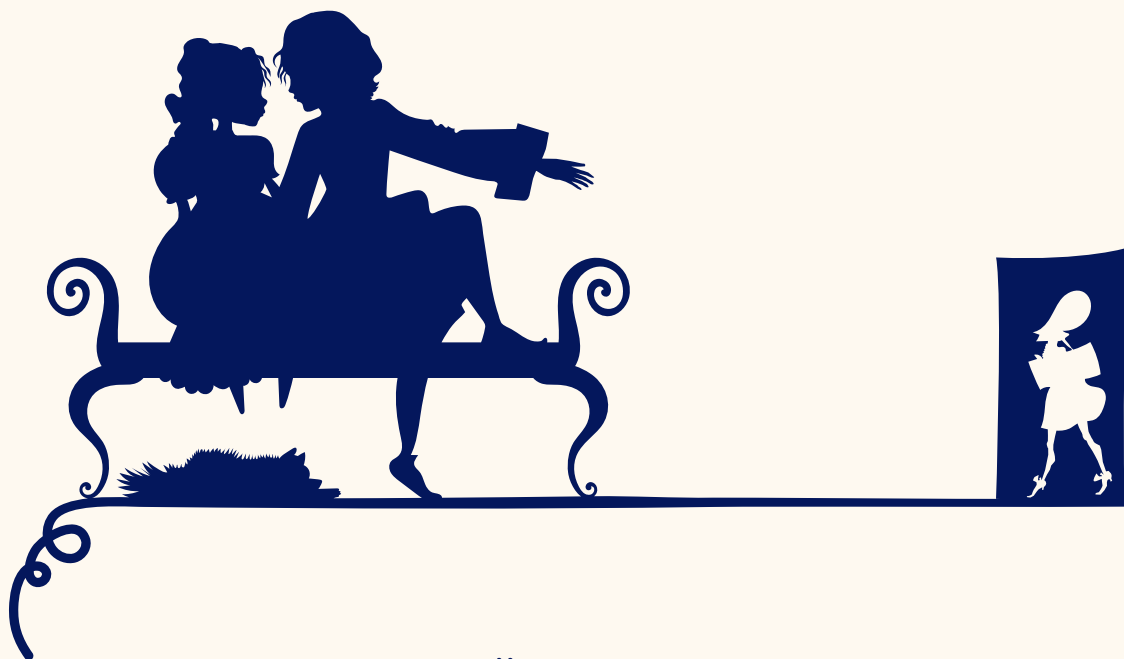
Э.Т.А.Гофман

Щелкунчик и Мышиный Король

Иллюстрации Надежды Фроловой

Москва
Издательский Дом
Мещерякова
2022

ЁЛКА

Двадцать четвёртого декабря детям советника медицины Штальбаума весь день не разрешалось входить в проходную комнату, а уж в смежную с ней гостиную их совсем не пускали. В спальне, прижавшись друг к другу, сидели в уголке Фриц и Мари. Уже совсем стемнело, и им было очень страшно, потому что в комнату не внесли лампы, как это и полагалось в сочельник. Фриц таинственным шёпотом сообщил сестрѐнке (ей только что минуло семь лет), что с самого утра в запертых комнатах чем-то шуршали, шумели и тихонько постукивали. А недавно через прихожую прошмыгнул маленький тѐмный человечек с большим ящиком под мышкой; но Фриц на-верное знает, что это их крѐстный, Дроссельмейер. Тогда Мари захлопала от радости в ладоши и воскликнула:

— Ах, что-то смастерил нам на этот раз крёстный?

Старший советник суда Дроссельмейер не отличался красотой: это был маленький, сухонький человек с морщинистым лицом, с большим чёрным пластырем вместо правого глаза и совсем лысый, почему он и носил красивый белый парик; а парик этот был сделан из стекла*, и притом чрезвычайно искусно. Крёстный сам был великим искусником, он даже знал толк в часах и даже умел их делать. Поэтому, когда у Штальбаумов начинали капризничать и переставали петь какие-

* То есть из стеклянного волокна.

нибудь часы, всегда приходил крёстный Дроссельмейер, снимал стеклянный парик, стаскивал жёлтенький сюртучок, повязывал голубой передник и тыкал часы колючими инструментами, так что маленькой Мари было их очень жалко; но вреда часам он не причинял, наоборот — они снова оживали и сейчас же принимались весело тик-тикать, звонить и петь, и все этому очень радовались. И всякий раз у крёстного в кармане находилось что-нибудь занимательное для ребят: то человек, ворочающий глазами и шаркающий ножкой, так что на него нельзя смотреть без смеха, то коробочка, из которой выскакивает птичка, то ещё какая-нибудь штучка. А к Рождеству он всегда мастерил красивую, затейливую игрушку, над которой много трудился. Поэтому родители тут же заботливо убирали его подарок.

— Ах, что-то смастерил нам на этот раз крёстный? — воскликнула Мари.

Фриц решил, что в нынешнем году это непременно будет крепость, а в ней будут маршировать и выкидывать артикулы* прехорошенькие нарядные солдатики, а потом появятся другие солдатики и пойдут на приступ, но те солдаты, что в крепости, отважно выпалят в них из пушек, и поднимется шум и грохот.

— Нет, нет, — перебила Фрица Мари, — крёстный рассказывал мне о прекрасном саде. Там большое озеро, по нему плавают чудо какие красивые лебеди с золотыми ленточками на шее и распевают красивые песни.

---

* Выкидывать артикулы — обучаться ружейным приёмам.

Только что дети, немного утомившись, хотели взяться за книжки с картинками, лежавшие раскрытыми на столе, чтобы можно было любоваться разными замечательными цветами, пёстро раскрашенными людьми и хорошенькими играющими детками, так натурально изображёнными, будто они и впрямь живые и вот-вот заговорят, — так вот, только что дети хотели взяться за чудесные книжки, как опять прозвенел колокольчик. Дети знали, что теперь черёд подаркам крёстного Дроссельмейера, и подбежали к столу, стоявшему у стены. Ширмы, за которыми до тех пор был скрыт стол, быстро убрали. Ах, что увидели дети! На зелёной, усеянной цветами лужайке стоял замечательный замок со множеством зеркальных окон и золотых башен. Заиграла музыка, двери и окна распахнулись, и все увидели, что в залах прохаживаются крошечные, но очень изящно сделанные кавалеры и дамы в шляпах с перьями и в платьях с длинными шлейфами. В центральном зале, который так весь и сиял (столько свечек горело в серебряных люстрах!), под музыку плясали дети в коротких камзолчиках и юбочках. Господин в изумрудно-зелёном плаще выглядывал из окна, раскланивался и снова прятался, а внизу, в дверях замка, появлялся и снова уходил крёстный Дроссельмейер, только ростом он был с папин мизинец, не больше.

Фриц положил локти на стол и долго рассматривал чудесный замок с танцующими и прохаживающимися человечками. Потом попросил:

— Крёстный, а крёстный! Пусти меня к себе в замок!

сделать. А зато я тебя сейчас порадую.

С этими словами старший советник суда полез в карман и осторожно вытащил оттуда — как вы думаете, дети, что? — Щелкунчика, которому он очень искусно вставил выпавшие зубки и вправил больную челюсть.

Мари громко вскрикнула от радости, а мать сказала, улыбаясь:

— Вот видишь, как заботится крёстный о твоём Щелкунчике...

— А всё-таки сознайся, Мари, — перебил крёстный госпожу Штальбаум, — ведь Щелкунчик не очень складный и непригож собой. Если тебе хочется послушать, я охотно расскажу, как такое уродство появилось в его семье и стало там наследственным. А может быть, ты уже знаешь сказку о принцессе Пирлипат, ведьме Мышильде и искусном часовщике?

— Послушай-ка, крёстный! — вмешался в разговор Фриц. — Что верно, то верно: ты отлично вставил зубы Щелкунчику и че-

люсть тоже уже не шатается. Но почему у него нет сабли? Почему ты не повязал ему саблю?

— Ну ты, неугомонный, — проворчал старший советник суда, — никак на тебя не угодишь! Сабля Щелкунчика меня не касается. Я вылечил его — пусть сам раздобывает себе саблю где хочет.

— Правильно! — воскликнул Фриц. — Если он храбрый малый, то раздобудет себе оружие.

— Итак, Мари, — продолжал крёстный, — скажи, знаешь ли ты сказку о принцессе Пирлипат?

— Ах, нет! — ответила Мари. — Расскажи, милый крёстный, расскажи!

— Надеюсь, дорогой господин Дроссельмейер, — сказала мама, — что на этот раз вы расскажете не такую страшную сказку, как обычно.

— Ну конечно, дорогая госпожа Штальбаум, — ответил Дроссельмейер. — Напротив, то, что я буду иметь честь изложить вам, очень занятно.

— Ах, расскажи, расскажи, милый крёстный! — закричали дети.

И старший советник суда начал так:

СКАЗКА О ТВЁРДОМ ОРЕХЕ

Мать Пирлипат была супругой короля, а значит, королевой, а Пирлипат как родилась, так в тот же миг и стала прирождённой принцессой. Король налюбоваться не мог на почивавшую в колыбельке красавицу дочурку. Он громко радовался, танцевал, прыгал на одной ножке и то и дело кричал:

— Хейза! Видел ли кто-нибудь девочку прекраснее моей Пирлипатхен?

А все министры, генералы, советники и штаб-офицеры прыгали на одной ножке, как их отец и повелитель, и хором громко отвечали:

— Нет, никто не видел!

Да, по правде говоря, и нельзя было отрицать, что с тех пор, как стоит мир, не появлялось ещё на свет младенца прекраснее принцессы Пирлипат. Личико у неё

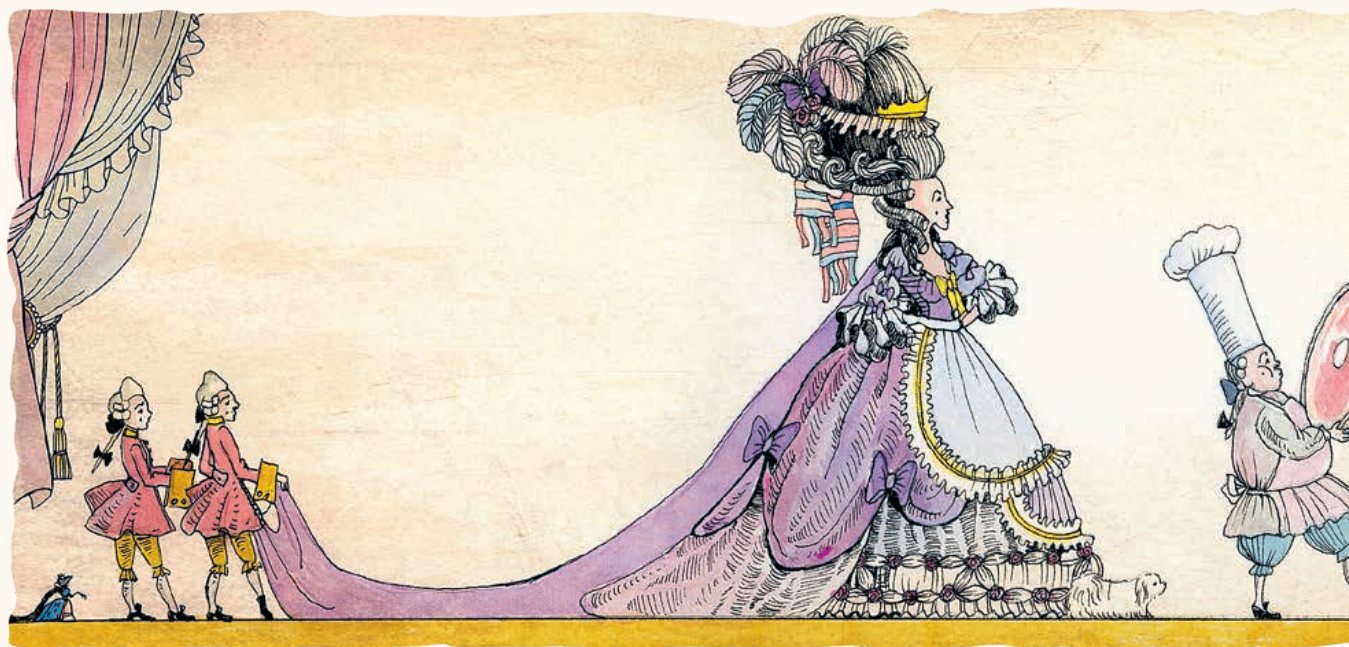
было словно соткано из лилейно-белого и нежно-розового шёлка, глазки — живая сияющая лазурь, а особенно украшали её волосики, вившиеся золотыми колечками. При этом Пирлипатхен родилась с двумя рядами беленьких, как жемчуг, зубок, которыми она два часа спустя после рождения впиалась в палец рейхсканцлера*, когда он пожелал поближе исследовать черты её лица, так что он завопил: «Ой-ой-ой!» Некоторые, впрочем, утверждают, будто он крикнул: «Ай-ай-ай!» Ещё и сегодня мнения расходятся. Короче, Пирлипатхен на самом деле укусила рейхсканцлера за палец, и тогда восхищённый народ уверился в том, что в очаровательном, ангельском тельце принцессы Пирлипат обитают и душа, и ум, и чувство.

Как сказано, все были в восторге; одна королева неизвестно почему тревожилась и беспокоилась. Особенно странно было, что она приказала неусыпно стеречь колыбельку Пирлипат. Мало того, что у дверей стояли драбанты**, — было отдано распоряжение, чтобы в детской, кроме двух нянюшек, постоянно сидевших у самой колыбельки, еженощно дежурило ещё шесть нянек, и — что казалось совсем нелепым и чего никто не мог понять — каждой няньке приказано было держать на коленях кота и всю ночь гладить его, чтобы он не переставая мурлыкал. Вам, милые детки, нипочём не угадать, зачем мать принцессы Пирлипат принимала все эти меры, но я знаю зачем и сейчас расскажу и вам.

---

* Рейхсканцлер — глава правительства в Германской империи.

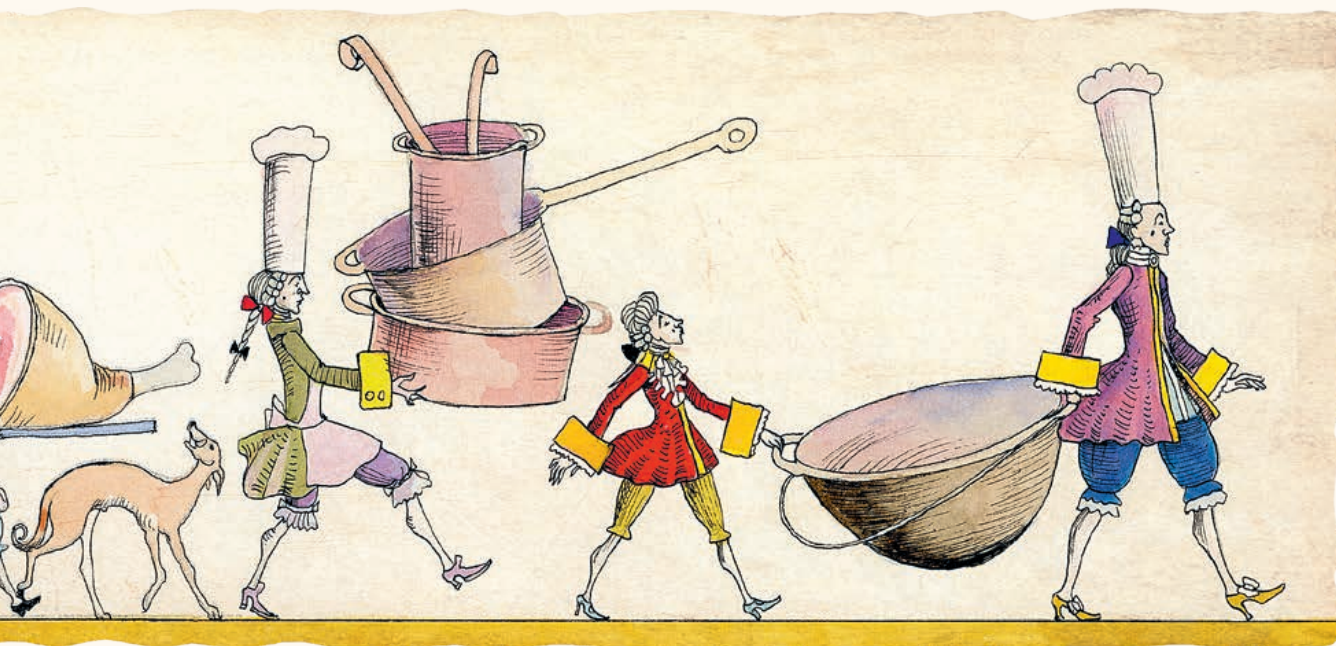
** Драбант — телохранитель.

Раз как-то ко двору короля, родителя принцессы Пирлипат, съехалось много славных королей и пригожих принцев. Ради такого случая были устроены блестящие турниры, представления и придворные балы. Король, желая показать, что у него много золота и серебра, решил как следует запустить руку в свою казну и устроить празднество, достойное его. Поэтому, выведав от обер-гофповара*, что придворный звездочёт возвестил время, благоприятное для колки свиней, он задумал задать колбасный пир, вскочил в карету и самолично пригласил всех окрестных королей и принцев всего-навсего на тарелку супа, мечтая затем поразить их роскошеством. Потом он очень ласково сказал своей супруге-королеве:

---

* Обер-гофповар — главный придворный повар.

— Милочка, тебе ведь известно, какая колбаса мне по вкусу...

Королева уже знала, к чему он клонит речь; это означало, что она должна лично заняться весьма полезным делом — изготовлением колбас, — которым не брезговала и раньше. Главному казначею приказано было немедленно отправить на кухню большой золотой котёл и серебряные кастрюли; печь растопили дровами сандалового дерева; королева повязала свой камчатый* кухонный передник. И вскоре из котла потянуло вкусным духом колбасного навара. Приятный запах проник даже в государственный совет. Король, весь трепеща от восторга, не вытерпел.

---

* Камчатый — льняной.

Королева исходила слезами и рыданиями, а кабинет короля пришлось обить ватой, потому что король бился головой об стену и жалобным голосом причитал:

— Ах я несчастный монарх!..

Теперь король, казалось, мог бы понять, что лучше было съесть колбасу без сала и оставить в покое Мышильду со всей её запечной роднёй, но об этом отец принцессы Пирлипат не подумал — он просто-напросто свалил всю вину на придворного часовщика и чудодея Христиана Элиаса Дроссельмейера из Нюрнберга и отдал мудрый приказ: Дроссельмейер должен в течение месяца вернуть принцессе Пирлипат её прежний облик или, по крайней мере, указать верное к тому средство — в противном случае он будет предан позорной смерти от руки палача.

Дроссельмейер не на шутку перепугался. Однако он положился на своё умение и счастье и тотчас же приступил к первой операции, которую почитал необходимой. Он очень ловко разобрал принцессу Пирлипат на части, вывинтил ручки и ножки и осмотрел внутреннее устройство, но, к сожалению, убедился, что с возрастом принцесса будет всё безобразнее, и не знал, как помочь беде. Он опять старательно собрал принцессу и впал в уныние около её колыбели, от которой не смел отлучаться.

Шла уже четвёртая неделя, наступила среда, и король, сверкая в гневе очами и потрясая скипетром, заглянул в детскую к Пирлипат и воскликнул:

КОНЕЦ СКАЗКИ О ТВЁРДОМ ОРЕХЕ

И в самом деле, на следующий день вечером, только зажгли свечи, явился крёстный Дроссельмейер и так продолжал свой рассказ:

— Дроссельмейер и придворный звездочёт странствовали уже пятнадцать лет и всё ещё не попали на след ореха Кракатук. Где они побывали, какие диковинные приключения испытали, не пересказать, детки, и за целый месяц. Этого я делать и не собираюсь, а прямо скажу вам, что, погружённый в глубокое уныние, Дроссельмейер сильно стосковался по родине, по милому своему Нюрнбергу. Особенно сильная тоска напала на